

Научная жизнь

Конкурс эссе «British Nobel»

«Война причиняет огромную боль: боль физическую и психологическую. Природа психологической боли мне не ясна, а вот природу физической помогла понять теория Ходжкина и Хаксли. На основе этого открытия создаются анестетики. Нервный импульс просто не доходит до нашего мозга, и мозг не знает, что на самом деле происходит в очаге боли» (Наталья Ивличева).

«Я считаю, что гениальность идей Фридриха фон Хайека неоспорима. Символично и то, что лишь через 40 лет после попыток реализации своих теорий он был удостоен премии памяти Нобеля по экономике» (Вадим Храмов).

«В августе 2001 года моему трехлетнему сыну поставили диагноз — обширная опухоль переднего средостения. Кто знает, каким был бы результат операции, если бы английский ученый не изобрел компьютерный томограф...» (Татьяна Фирстова).

Эти строки взяты из работ, удостоенных первых мест на конкурсе эссе, посвященном нобелевским именам и нобелевским идеям британской науки. Конкурс был организован Британским советом в Нижнем Новгороде во второй половине 2001 г. в рамках научно-образовательного проекта «*British Nobel*» и посвящен 100-летию со дня первого присуждения Нобелевских премий.

Организуя конкурс, Британский совет исходил из того, что сам факт присуждения высшей научной награды предполагает отчетливый и доступный рассказ и об истории открытия, и о том, чем оно важно для человечества. В организации и проведении конкурса принял активное участие и нижегородский еженедельник «Биржа плюс Карьера», в активе которого к тому времени уже был один проект историко-научной направленности: весной 2001 г. «Биржа плюс Карьера», при поддержке лидера фракции СПС в Государственной Думе Бориса Немцова, успешно органи-

зовала и провела конкурс читательских эссе «Нижегородское имя в науке».

В информационных материалах, предназначенных для участников конкурса «*British Nobel*» и опубликованных на страницах еженедельника, были отмечены наиболее известные нобелевские идеи и нобелевские имена британской науки. Среди них — открытие нейтрона и ионосферы (Дж. Чэдвик и Э. Эплтон), выяснение механизма фотосинтеза и исследование пенициллина (П. Митчелл и А. Флеминг), создание модели молекулы ДНК (Ф. Крик и М. Уилкинс совместно с американцем Дж. Уотсоном) и изобретение компьютерного томографа (Г. Хаунсфилд)... Там же были приведены адреса в Интернете, на которых максимально широко представлена история Нобелевских премий, в том числе — сайт Нобелевского музея в Стокгольме www.nobel.se, русскоязычные сайты www.nobel.narod.ru и www.n-t.org. Всем участниками конкурса предоставлялась возможность бесплатной работы в Интернет-центре Британского совета в Нижнем Новгороде.

В общей сложности в конкурсе приняли участие 57 человек, в основном студенты классического и технического университетов, школьники из Нижнего Новгорода и городов Нижегородской области. Победителям конкурса (в четырех номинациях) помимо призов — научно-энциклопедических словарей британских издательств — были вручены сертификаты, подписанные заместителем Британского совета по науке и технологиям Элизабет Белл. Первых мест были удостоены эссе, героями которых стали Питер Митчелл (номинация «Химия»), Фридрих фон Хайек («Экономика»), Алан Ходжкин («Физиология и медицина»), а также эссе «Как англичане частицы открывали».

Весьма любопытна статистика предпочтений — кто из английских нобелевских лауреатов стал героем эссе. В общей

сложности половина всех представленных на конкурс эссе были посвящены нобелевским достижениям в области физиологии и медицины. Трудно сказать, что сыграло здесь основную роль — личные пристрастия и активность организаторов или то, что принято называть общественным интересом... По количеству же работ впереди всех оказались Эрнест Резерфорд (7 эссе), а также Фрэнсис Крик и Морис Уилкинс (8 эссе). Семь эссе были посвящены голландско-английскому специалисту по этиологии Николасу Тинбергену.

Как нам представляется, заявленный в условиях конкурса жанр эссе существенно снизил количество конкурсных работ, претендующих на призовые места; большая часть участвовавших в конкурсе работ представляла собой привычные для российских студентов рефераты. В то же время можно с уверенностью утверждать, что именно жанр эссе позволяет выразить на уровне текста исторический, социальный и культурный контексты научного знания. Интересно, что в Великобритании умение писать тексты на научные сюжеты проверяется в курсовой работе, которую должен представить по окончании курса школьник, изучающий предмет *Science*. В изданном недавно британском учебнике по естествознанию «*Science for Public Understanding*» (предназначенном преимущественно для школьников, планирующих получить образование в области гуманитарных наук) методические рекомендации по подготовке такой курсовой работы выделены в самостоятельный раздел [1]. При этом сюжетам из истории науки в учебнике отводится одно из центральных мест — действительно, подробно описанные в учебнике история и предыстория закона Хаббла существенно проясняют и роль моделей, и роль измерений, и роль творческих догадок в развитии научного знания.

Точно так же большое внимание стилю связанных с наукой текстов, — имея в виду и отчет школьника о выполненной лабораторной работе, и статью в профессиональном научном журнале, и грамотное описание школьником того, что он увидел, услышал и прочитал о научных исследованиях в средствах массовой информации, — уделяет в своей книге с символическим названием «*Words, Science and*

Learning» Клайв Саттон, председатель секции «Образование» Британского общества истории науки [2].

Подобные тенденции в британском образовании не случайны и отражают стремление формировать в обществе постоянный интерес к тому, чем занимается наука. Соответствующей работой в Великобритании активно занимаются и крупные исследовательские центры, проводя своего рода PR-акции, пропагандирующие достижения современной науки. Весьма активно в этом направлении используется Интернет; к примеру, на сайте «Физика Вселенной» (www.pragc.ac.uk) вы можете познакомиться с проектом «Образ недели», в рамках которого каждую неделю на одном из разделов сайта помещается изображение, символизирующее современное научное знание (в первую неделю января таковым была выбрана скульптура Поля Дирака, со дня рождения которого в 2002 г. исполняется сто лет). А можете загрузить на свой компьютер экранные заставки «черная дыра», «большой взрыв» или «кошка Шредингера». Заслуживает упоминания и показанная в Лондоне несколько лет назад в 1998 г. (а затем в нескольких европейских городах) пьеса Микаэля Фрайна (Michael Frayn) «Копенгаген», в основу которой положены беседы Бора и Гейзенберга в оккупированном Копенгагене в 1941 г.

Как отмечает в связи с этим Ю. Л. Менцин, «для того, чтобы индивидуальное знание стало общественным, необходимы какие-то связующие звенья, общие знаменатели, позволяющие переходить от одного индивидуального сознания к другому... Именно поэтому наука, особенно на переломных этапах, активно использует всевозможные метафоры, аналогии, этические и эстетические критерии и т. п.» [3, с. 68]. Вполне естественно, что именно эту сторону научной деятельности способны воспринять студенты, школьники, а также все, кому небезынтересна современная наука; эти тенденции мы и пытались реализовать, организовывая конкурс эссе «*British Nobel*».

Завершить это небольшое сообщение уместно словами Павла Флоренского: «Нам полезнее обратить взор к уму английскому, не терпящему в науке придворной чопорности и условного, задним чис-

лом наводимого единства — к отважной мысли, показывающей себя в незаштукатуренном и неприкрашенном виде, с теми скачками, неувязками, противоречиями и отступлениями, которые свойственны живой, не препарированной умственной деятельности» [4, с. 68].

Литература

1. Science for Public Understanding / Ed. R. Millar & A. Hunt. Heinemann, 2000.

2. Sutton C. Words, Science and Learning. London, 1995.
3. Менцин Ю. Л. Естествознание и гражданское общество // Педагогическое обозрение. 2001. № 4. С. 83–87.
4. Флоренский П. А. У водоразделов мысли // ВИЕТ. 1989. № 1. С. 67–79.

Б. В. Булбаши

Круглый стол «Насущные проблемы истории психологии» в память о Михаиле Григорьевиче Ярошевском

22 марта 2002 г. в Институте истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН состоялось совещание по вопросам методологии истории психологии, приуроченное к первой годовщине со дня смерти крупного историка психологии М. Г. Ярошевского и посвященное его памяти. Совещание было организовано Московским отделением Российского психологического общества РАН, сектором социальной психологии науки Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, Психологическим институтом РАО, Институтом психологии РАН, факультетом психологии МГУ им. М. В. Ломоносова. Обсуждались теоретические и методологические проблемы истории психологии в творчестве М. Г. Ярошевского, а также широкий круг вопросов методологии историко-психологических исследований.

В выступлении А. Н. Ждан (факультет психологии МГУ) в деятельности историка психологии были выделены две взаимосвязанные задачи: во-первых, накопление эмпирического материала, т. е. знаний о психических явлениях, полученных в ходе развития науки, и, во-вторых, его осмысление и анализ, историческая оценка, в том числе его значения для современной науки. На примерах анализа опыта обращения к истории выдающихся деятелей психологической науки — С. Л. Рубинштейна, Б. М. Теплова, П. Я. Гальперина и др. — был сделан вывод, что именно собственная научная позиция исследователя составляет основание для выбора и обобщения данных из истории науки, понимания их непреходящей ценности. В работе

историка психологии такая позиция обеспечивается концепцией историко-психологического процесса, под углом зрения которой он работает. Именно концепция определяет подход к отбору материала, его представлению и оценке. Согласно точке зрения автора, установка на реконструкцию воззрений, касающихся предмета психологии, трактуемого в исторической перспективе, позволяет воссоздать историю психологии как преемственный процесс поступательного развития научных знаний в контексте социокультурных условий и во взаимодействии с другими науками.

И. Е. Сироткина (ИИЕТ РАН) отметила факт формирования вокруг фигуры М. Г. Ярошевского научного сообщества, который она связала с особыми качествами его личности. Коснувшись вопроса о специфике истории психологии, проистекающей из ее междисциплинарного характера, она выдвинула тезис о неоднозначности положения истории психологии среди прочих наук, о ее связи как с психологическими, так и с историческими дисциплинами. К тому же не все положения научной психологии являются результатом специальных систематических исследований. Психологические знания имеют своим источником и другие области естествознания, в частности физиологию. Для историка психологии важны и мысли писателя А. И. Герцена о свободе воли, и спор Эразма Роттердамского с Лютером по этому вопросу в эпоху немецкой Реформации. Все это приводит к постановке вопроса о статусе истории психологии как самостоятельной области науки.

Е. Е. Соколова (факультет психологии МГУ) назвала свое выступление апологией объективности как важнейшего принципа исторической науки. Оценив случаи отказа от этого принципа как опасный прецедент, она назвала объективность одним из критериев научности в историко-психологическом исследовании. Отход от объективности Е. Е. Соколова видит в имеющихся случаях смещения цели исторического исследования с объективного изучения на отыскание различного рода исторических сенсаций. Она отметила необходимость учета специфики принципа объективности в гуманитарных науках в отличие от естественных. Факты истории науки подвергаются исследователем интерпретации, которая неизбежно привносит момент субъективности, определяемый контекстом и задачей исследования. Однако это не отменяет общей ориентированности исторического исследования на объективность.

Остановившись на некоторых сторонах научной биографии М. Г. Ярошевского, *В. В. Умрихин* (факультет психологии МГУ) отметил многогранность его творчества. Ярошевский принадлежал к разным сообществам — историков науки, методологов, науковедов. Все эти грани органично объединялись в творческой личности ученого. Ярошевский персонифицировал историю научных проблем, рассматривая их сквозь призму таких процессов, как дискуссии, коммуникации ученых. Отсюда возникли понятия оппонентного круга, социальной перцепции и др. Метафорически он называл историю науки творческим диалогом с прошлым.

О. С. Анисимов (РАГС) привлек внимание к проблеме метода изложения учений прошлого. Он посвятил свое выступление вопросу реконструкции содержания текстов прошлого как важнейшему типу работы историка психологии и указал в этой связи на особую значимость опыта Гегеля и его трудов по истории философии. Гегель создал систему требований к рассмотрению каждого автора. В ней органично сочетались неизбежная субъективность в представлении материала, которую нельзя устранить, и объективность в передаче содержания мысли. Обязательным условием работы при реконструкции текстов должно быть достаточно се-

рьезное владение культурой мышления и оперирования понятиями, в которых выражена сущность того или иного явления. Чтобы совместить субъективность и объективность при воссоздании взглядов, требуется технология реконструктивной работы с текстами.

По мнению *Б. Н. Рыжова* (МГПУ), применение системно-логических принципов в области истории психологии обогащает ее методологическую базу, позволяет по-новому понять процесс накопления эмпирико-психологического знания. Оценивая психологию В. Вундта как образец системного научного мышления, он предлагает рассмотреть методологическое содержание его программы, в частности, на материале разработанной им психологии чувств.

Т. Д. Марцинковская (Психологический институт РАО) подчеркнула значимость разработки методологических принципов организации эмпирического и теоретического психологического знания, накопленного в процессе многовекового развития психологической научной мысли, для оптимизации преподавания истории психологии в вузе.

О. Г. Носкова (факультет психологии МГУ) представила материал своих исследований по историографии отечественной истории психологии. Ею был составлен полный список кандидатских и докторских диссертаций в этой области за период с 1939 по 2001 гг. и произведен их первичный анализ.

Л. А. Карпенко (Психологический институт РАО) рассказала о подготовке справочных изданий по психологии (словарей и энциклопедий) и отметила особую значимость методологии для работы по сбору и систематизации психологических знаний, их терминологическому оформлению.

А. Г. Аллахвердян (ИИЕТ РАН) выделил в творчестве М. Г. Ярошевского три исследовательские программы, посвященные истории психологии, истории науки в целом и науковедению. По его мнению, важным фактором становления научных интересов М. Г. Ярошевского явилась его биография. В частности, в значительной степени под влиянием личного опыта он ввел понятие «репрессированная наука». В вышедших под этим назва-

нием двух томах, редактором которых он был, содержатся материалы о драматических событиях в психологии, педологии, биологии и других науках в период с 1930-х по 1960-е гг.

В выступлении студента факультета психологии МГУ *А. Ромащук* прозвучал призыв к более активному использованию в историко-психологических исследованиях трудов по методологии науки Б. М. Кедрова, Э. В. Ильенкова и других отечественных ученых.

Участниками круглого стола были высказаны пожелания периодически возвращаться к обсуждению методологических проблем истории психологии и сформулированы конкретные предложения по плану работы секции истории психологии, недавно созданной в структуре Российского психологического общества РАН. В Интернете открыт сайт, посвященный истории психологии. Его адрес: <http://people.tochka.ru/Psychology>.

А. Н. Ждан

Конференция «Три юбилея. А. И. Герцен, Г. А. Гуковский, Л. Я. Гинзбург»

4–5 апреля 2002 г. в Доме-музее А. И. Герцена на Сивцевом Вражке прошла конференция «Три юбилея. А. И. Герцен, Г. А. Гуковский, Л. Я. Гинзбург». Она была организована журналом «Новое литературное обозрение», который входит в издательский дом под тем же названием и который уже на протяжении почти десяти лет вносит немалый вклад в гуманитарное возрождение России¹.

Три имени в названии конференции объединило не только совпадение дат юбилеев их обладателей. Трое мыслителей — А. И. Герцен, который в представлении не нуждается, историк литературы Г. А. Гуковский и литературовед и мемуаристка Лидия Гинзбург — были, хотя и по-разному и в разной степени, инакомыслищими. Герцен защищал свободу мысли и слова из эмиграции, Гуковский и Гинзбург отстаивали возможность свободно мыслить своей непрекращающейся интел-

лектуальной работой в Советском Союзе (последнее, возможно, и стало причиной ареста Гуковского и его гибели в тюрьме в 1949 г.)². Поэтому неудивительно, что конференция началась с обсуждения вопроса о либерализме. С докладом «Были ли Герцен либералом?» выступила *Айлин Келли* (King's College, Cambridge). И тема либерализма, и работы Герцена ей как ученице Исайи Берлина знакомы еще «с пеленок». В докладе она возражала тем, кто пытается представить эволюцию взглядов Герцена после 1848 г. как движение от западничества к одному из вариантов народничества — крестьянскому утопизму. Келли считает, что Герцен до конца оставался либералом в самом широком понимании этого слова, т. е. избегал присоединения к какой бы то ни было доктрине. Герцен отрицал «идею “единственного правильного пути”», куда бы тот ни вел — в славянофильскую утопию или рай свободного рынка», и эти его мысли, отмечает докладчица, своевременны и для сегодняшней России.

Тему либерализма продолжил *Михаил Габович* (Школа высших исследований по общественным наукам, Париж) в докладе «Дети рождают отцов: о генеалогиях либеральных идеологий». Он отказался от того, чтобы считать либерализм единым явлением или непрерывной традицией, и попытался рассмотреть различные формы преемственности в следовании либеральным идеям. Он указал на то,

¹ Журнал, который публикует статьи по истории и литературоведению, может быть интересным для читателей ВИЕТ своими подборками по истории и социологии науки. См., например, тематическую подборку «“Переполох в Академии”: история и социология академических элит» в № 53 (2002), в которую вошли отрывки из книги Ф. Рингера «Закат китайских мандаринов», статьи Д. А. Александрова, В. М. Алпатова, М. Робинсона, А. Дмитриева и Д. Устинова. Полную библиографию № 1–50 можно найти в № 50 «НЛО», а с отдельными материалами журнала и информацией о книжных новинках издательства познакомиться на его сайте www.nlo.magazine.ru

² О Гуковском и Гинзбург см. публикации в № 49 и 50 «Нового литературного обозрения».

что передача идей может происходить от отца к сыну или от учителя к ученику, но иногда ответственность за создание интеллектуальной традиции ложится на сына, ученика, представителя младшего поколения. Этот вариант может реализоваться при «переоткрытии» забытого или «реинтерпретации» известного классика. Отвечая на вопросы аудитории, автор, к сожалению, не уточнил, иллюстрацией какого типа связи служит настоящая конференция — иными словами, занимаются ли ее участники конструированием линии, ведущей от Герцена к советским и постсоветским либералам.

Кирилл Ратников (Челябинский государственный университет) предложил вниманию аудитории тему «Герцен и Шевырев: проблема интерпретации свободы личности». Если на миг отказаться видеть в Шевыреве только «антилиберала», то, как считает докладчик, его полемика с Герценом заиграет новыми красками. Шевырев, по мнению Ратникова, критиковал «этический индивидуализм» Герцена, сам решая противоречие между личностью и обществом в христианско-этическом духе. Роль «образованного сословия», одним из самых замечательных представителей которого Шевырев считал Герцена, он видел в примирении, «синтезе» славянофильства и западничества.

Ирина Сироткина (ИИЕТ РАН, Москва) рассказала об истории еще одной полемики — между Герценом-отцом и Герценом-сыном. Став физиологом, сын Герцена Александр начал спорить с отцом о детерминизме и свободе воли. В своем ответе сыну Герцен вдохновлялся знаменитой полемикой XVI в. между Эразмом Роттердамским и Лютером. Пытаясь убедить его в «феноменологической реальности» свободы выбора, он обращался к авторитету наук о человеке. Но его ждало разочарование: ни одна из современных ему дисциплин — социология, история, психология — под влиянием позитивизма не решалась сделать «реальность свободы» своим предметом изучения.

Далее ход конференции следовал хронологии: дневное заседание было посвящено наследникам и интерпретаторам Герцена. *Елена Нарская* (Дом-музей А. И. Герцена) сделала основанное на новых архивных находках сообщение об ор-

ганизациях русских эмигрантов, деятельность которых была связана с именем и семьей Герцена. *Виктор Живов* (Москва—Беркли) проанализировал интерпретацию Герцена российским философом Г. Г. Шпетом, присоединив таким образом к троице героев конференции еще одного «инакомыслящего». Задача Шпета состояла в том, чтобы дистанцировать Герцена-мыслителя от той революционной традиции, частью которой его сделал Ленин. Примечательно, что этот доклад совпал по времени с выступлением В. П. Зинченко в стенах ИИЕТ РАН на тему «Возвращение Г. Г. Шпета».

Александр Дмитриев (СПбФ ИИЕТ РАН, Санкт-Петербург) сделал информативное сообщение о А. Н. Шебунине, историке и «честном марксисте», авторе неопубликованной работы «Борьба утопических и научных элементов в социально-политическом мировоззрении Герцена» (1910). В отличие от историко-философской интерпретации Шпета, работа Шебунина была написана с позиций марксистской социологии и объясняла «непоследовательность» Герцена его принадлежностью к наиболее радикальным кругам дворянства. Дневное заседание завершил петербуржец Илья Калинин, сопоставивший Герцена и Набокова — и как либералов, и как замечательных авторов мемуарного жанра. Его интересное сравнение «С того берега» и «Былого и дум» Герцена с «Другими берегами» Набокова неожиданно и к неудовольствию значительной части аудитории закончилось психоанализом самих авторов.

Второй день конференции был не менее насыщенным. Его утреннее заседание было посвящено Гуковскому и Гинзбург, с докладами выступили историки литературы и литературоведения *Б. Ф. Егоров* (Санкт-Петербург), *Денис Устинов* и *Андрей Зорин* (Москва). Первый выступающий привел характеристику Гуковского, данную его близким другом Лидией Гинзбург, как «безукоризненно честного карьериста». Сам Б. Ф. Егоров описывает научную карьеру Гуковского как маневрирование, игру с официальным марксизмом в попытках отстоять возможность интеллектуальной работы. Денис Устинов продолжил эту тему в докладе «Свобода мысли в несвободном обществе» — своего

рода параллельной биографии Гуковско-го и Гинзбург. Об отношениях двух коллег и друзей, деливших не только науку, но и ленинградскую коммуналку, говорил и Андрей Зорин. Непосредственной темой его доклада была, однако, книга Гуковско-го «Очерки по истории русской литературы XVIII века», в концепции которой докладчик увидел параллели с романом Александра Дюма «Двадцать лет спустя». За этим выступлением последовала оживленная дискуссия, вызванная, в частности, подозрением аудитории (которое в наиболее ясной форме высказала Татьяна Венедиктова из МГУ), что докладчик использует один и тот же мелодраматический сюжет из романа Дюма и для интерпретации отношений Гуковского и Гинзбург, и для характеристики литературоведческого труда Гуковского, и для описания своей собственной жизненной позиции.

Дневное заседание было отдано выступлениям трех москвичей. Идя по стопам исследователя литературы XVIII в. Гуковского, старейшина отечественной

филологии Михаил Гаспаров проанализировал становление жанра оды в поэзии Ломоносова и Сумарокова. *Олег Лекманов* вернул слушателей в 1937 г., который, кроме всего прочего, был примечателен размежеванием бывших единомышленников — формалистов Тьяньнова, Шкловского и Эйхенбаума. Докладчик проследил по публикациям в «Литературной газете», как менялся их образ в официальной прессе. Наконец, *Илья Кукулин* сделал смелую попытку сблизить Герцена и Лидию Гинзбург как «революционеры жанров». По мнению докладчика, они оба благодаря тому, что писали беллетристику и мемуарную литературу, существенно изменили тот жанр «non-fiction» (литературоведение и публицистика), в котором в основном работали. Так, в соответствии с замыслом организаторов конференции Марии Майофис и Ирины Прохоровой, последний доклад вернул нас к Герцену и тем самым замкнул круг конференции.

И. Е. Сироткина

Ученые в сталинских списках

В марте 2002 г. международное общество «Мемориал» и Архив Президента РФ выпустили электронный диск «Сталинские расстрельные списки»¹. Это списки лиц, судьбу которых предрешили члены Политбюро ЦК ВКП(б) — И. В. Сталин, В. М. Молотов, Л. М. Каганович, К. Е. Ворошилов, А. И. Микоян, С. В. Косиор и кандидаты в члены Политбюро А. А. Жданов и Н. И. Ежов. Эти 383 списка, составившие 11 томов, были обнаружены в 1954 г. и переданы из МВД в Президиум ЦК КПСС, а оттуда перешли «по наследству» в Архив Президента РФ (Ф. 3. Оп. 24. Д. 409–419). Списки охватывают период с 27 февраля 1937 г. до 29 сентября 1938 г., также имеются два фрагмента списка октября 1936 г. До декабря 1998 г. эти списки носили гриф «секретно». Ныне, благодаря усилиям «Мемориала» и сотрудников Архива Президента РФ, к этим спискам наконец получили доступ историки.

Списки готовились в недрах НКВД и поступали на согласование Сталину. Со-

проводительные записки писали наркомы внутренних дел Ежов, а затем Берия. Сталин писал «за» и расписывался, как правило, красным карандашом, после него разноцветными карандашами расписывались еще 3–4 члена Политбюро. В отсутствие Сталина 3 января 1938 г. право первой подписи «за» перешло к Жданову (в этот день были подписаны списки на 2,5 тыс. человек по «первой категории»). Сталин и Молотов подписали почти все списки, соответственно 357 и 372. Жданов, Каганович и Ворошилов — около половины. Микоян, Косиор, Ежов — лишь несколько списков. Часть списков, особенно за период 1939–1941 гг., пока не обнаружена.

В эти 383 списка попало 44 тыс. человек и на 39 тыс. из них Сталиным, Молотовым и др. была дана санкция осуждения по «первой категории», в том числе на 1 тыс. иностранных граждан. «Первая категория» означала, что члены Политбюро не возражают против расстрела этих людей.

Далее дела рассматривала Военная коллегия Верховного суда СССР под

¹ Сталинские расстрельные списки. М.: Звенья, 2002. ISBN 5-7870-0057-9.

председательством В. В. Ульриха на основе закона от 1 декабря 1934 г. (без защиты, без обжалования приговора, с немедленным приведением его в исполнение). Заседание ВКВС длилось обычно 10 минут, после чего члены Военной коллегии удалялись и выносили приговор: обычно расстрел, реже — осуждение к разным срокам заключения или направление дела на дознание, что не исключало расстрельного приговора в дальнейшем. ВКВС выносила расстрельный приговор примерно 80–90 % обвиняемых из списков по «первой категории». После вынесения приговора ВКВС за подписью В. В. Ульриха направляла коменданту НКВД указание о немедленном приведении приговора в исполнение со списком репрессруемых. После расстрела, который осуществлял лично комендант НКВД В. Блохин и другие руководящие работники НКВД, исполнители составляли акт об исполнении приговора и акт о кремации или захоронении трупов. В 1937 г. трупы обычно сжигали в крематории Донского монастыря, в 1938 г. — захоранивали прямо на спецобъекте НКВД «Коммунарка» на Калужском шоссе. Для этих же целей использовался и спецобъект НКВД «Бутово». Данные о гибели людей на этих спецобъектах были установлены «Мемориалом», эти списки изданы и доступны в Интернете (<http://www.memo.ru>).

Диск «Сталинистские расстрельные списки» снабжен поисковой системой. Наряду со списками, которые приводятся в перепечатанном виде, на диске приведены 500 факсимильных страниц с подписями членов Политбюро и их пометками. Все списки имеют точную отсылку к архивным документам. Для возможности использования требуется 65 МВ дискового пространства. Диск распространяется бесплатно по библиотекам, с ним можно познакомиться и в библиотеке ИИЕТ РАН.

Какие же ученые и организаторы науки попали в эти списки?

Октябрь 1936 г. — директор Историко-археографического института, член-корр. АН СССР С. Г. Томсинский (список «Ленингр. обл.» на 114 человек, виза: «Приветствую». *Л. Каганович, В. М. Молотов*).

27 февраля 1937 г. — философ Я. Э. Стэн (список 1-й категории «Моск-

ва-центр» на 33 человека, без подписи представляющего; подписи: *Сталин, Молотов, Ворошилов, Каганович*). Стэн вторично попал в список 14 июня 1937 г. (список 1-й категории «Москва-центр» на 56 человек, представлен М. И. Литвиным, подписи: *Сталин, Молотов, Ворошилов*). Данные о дальнейшей судьбе Стэна у «Мемориала» отсутствуют, но из других источников известно, что он был расстрелян 19 июня 1937 г.

15 сентября 1937 г. — профессор А. В. Чайнов (список «Казахская ССР» на 17 человек), академик ВАСХНИЛ и ее ученый секретарь Л. С. Марголин (список «Москва-центр» на 117 человек). Списки представлены Цесарским, подписи: *Сталин, Молотов*. Чайнов отбывал ссылку в Алма-Ате, расстрелян 3 октября 1937 г., Марголин — 27 сентября 1937 г.

Ноябрь 1937 г. (точная дата отсутствует, по-видимому, список представляет собой рабочий вариант) — академики Н. И. Бухарин (вычеркнут из списка синим карандашом, как и еще 21 человек, в основном те, кто был выведен на открытый процесс в марте 1938 г.) и В. В. Осинский-Оболенский (список 1-й категории «Бывшие члены и канд. в чл. ЦК ВКП(б)» на 45 человек, представлен Цесарским; подписи: *Молотов, Сталин, Ворошилов, Каганович, Жданов*).

Директор Института истории науки и техники академик В. В. Осинский-Оболенский был арестован 13 октября 1937 г. В ноябре, как видно из этого списка, на него была получена санкция к осуждению по 1-й категории, но он был также сохранен для процесса Бухарина—Рыкова, на который был выведен как свидетель. После окончания процесса В. В. Осинский-Оболенский был вновь представлен к 1-й категории (список «Москва-центр» от 19 апреля, подписи: *Сталин, Молотов, Каганович, Жданов*), но вычеркнут. 20 августа 1938 г. на его расстрел была дана вторичная санкция (см. ниже). Его сын Вадим, инженер-конструктор НИИ-20, был арестован одновременно с отцом и расстрелян 10 декабря 1937 г. (по списку 1-й категории «Москва-центр» от 7 декабря 1937 г. на 272 человек, подписи: *Сталин, Молотов, Жданов*).

13 ноября 1937 г. — директор Главной астрономической обсерватории (Пулко-

во) профессор Б. П. Герасимович, замдиректора ВИРа А. Б. Александров, директор Госсортсети ВИРа П. К. Артемов, директор Пушкинской опытной станции ВИРа А. К. Лапин, ученый секретарь и заведующий бюро семеноводства Н. С. Переверзев (список 1-й категории «Ленинградская обл.» на 133 человека, представлен Цесарским; подписи: *Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов*). Б. П. Герасимович, П. К. Артемов, А. К. Лапин и Н. С. Переверзев были осуждены ВКВС и расстреляны 30 ноября 1937 г., А. Б. Александров — 1 декабря 1937 г.

7 декабря 1937 г. — заведующий секцией хлопчатника ВИРа Л. П. Бордаков и заведующий разделом зернобобовых культур в Госсортсети ВИРа П. А. Соляков (список 1-й категории «Ленинградская обл.» на 168 человек, представлен Цесарским; подписи: *Сталин, Молотов*).

22 декабря 1937 г. — академики Н. М. Тулайков и Д. Б. Рязанов, вице-президент ВАСХНИЛ, директор Саратовской сельскохозяйственной станции Г. К. Мейстер, академик ВАСХНИЛ Р. Э. Давид (список 1-й категории «Саратовская обл.», представлен Цесарским; подписи: *Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов*).

3 января 1938 г. — главный инженер Реактивного НИИ–НИИ-3 Г. Э. Лангемак, директор Института востоковедения АН СССР академик А. Н. Самойлович, директор РНИИ–НИИ-3 И. Т. Клейменов, член-корр. АН СССР профессор МЭИ Я. Н. Шпильрейн (списки 1-й категории — основной и дополнительный — представлены Цесарским; подписи: *Жданов, Молотов, Каганович, Ворошилов*). И. Т. Клейменов и Г. Э. Лангемак расстреляны соответственно 10 и 11 января, Я. Н. Шпильрейн — 21 января, А. Н. Самойлович — 13 февраля 1938 г.

3 февраля 1938 г. — профессор М. П. Бронштейн (список 1-й категории «Ленинградская обл.» на 81 человек, представлен Цесарским; подписи: *Сталин, Ворошилов, Молотов, Каганович*).

20 августа 1938 г. — старший научный сотрудник Института экономики АН СССР М. Г. Бронский, микробиолог профессор Г. К. Бурговиц, академик Н. П. Горбунов, профессор, доктор технических наук А. Н. Долгов, научный сотрудник

ВИЭМ Е. И. Донской, профессор Н. Д. Кондратьев, нарком земледелия РСФСР Н. В. Лисицын, академик В. В. Осинский-Оболенский, доктор сельскохозяйственных наук И. Д. Шулейкин (список 1-й категории «Москва-центр» на 313 человек, представлен Шапиро; сопроводительная записка Н. И. Ежова: «Прошу санкции осудить всех по первой категории»; подписи: *Сталин, Молотов*).

12 сентября 1938 г. — геолог профессор Н. Н. Горностаев, научный сотрудник Института экономики А. А. Рыбников, экономист Л. Н. Юровский (список 1-й категории «Москва-центр» на 340 человек), геолог В. В. Черных (список 2-й категории «Ленинградская обл.»). Списки представлены Шапиро, подписи: *Сталин, Молотов, Жданов*. Н. Н. Горностаев расстрелян 15 сентября, А. А. Рыбников — 16 сентября, Л. Н. Юровский — 17 сентября, В. В. Черных на заседании ВКВС СССР 27 сентября 1938 г. получил 15 лет заключения, но 11 сентября 1941 г. он был расстрелян в Медведевском лесу вместе с 157 заключенными Орловской тюрьмы по постановлению ГКО, подписанному Сталиным.

12 сентября 1938 г. — член-корр. АН СССР, крупнейший филолог-эллинист, палеограф Г. Ф. Церетели (список 1-й категории «Груз. ССР» на 283 человек), член-корр. АН СССР, историк литературы И. И. Замотин (список 1-й категории «Белорусская ССР» на 48 человек); списки представлены Шапиро; подписи: *Сталин, Молотов, Жданов*. Г. Ф. Церетели погиб в тюрьме г. Тбилиси в 1938 г., а И. И. Замотин по постановлению от 5 августа 1939 г. был заключен в исправительно-трудовой лагерь сроком на 8 лет и умер 25 мая 1942 в тюрьме в Горьком.

25 сентября 1938 г. — С. П. Королев (список 1-й категории «Москва-центр» на 74 человек, представлен Шапиро; подписи: *Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов*). 27 сентября решением ВКВС С. П. Королев был осужден на 10 лет и отправлен в Новочеркасскую тюрьму, а затем на Колыму. В этот день С. П. Королев был на волосок от гибели — насколько этот волосок был тонок, свидетельствуют результаты «работы» ВКВС: 27 сентября она послала на казнь не менее 59 человек из этого списка, а также 18 человек из

списка от 12 сентября по Московской области.

В сталинских списках фигурировали также родные братья некоторых академиков — И. Е. Тамма, М. В. Келдыша, Н. М. Лукина, Б. М. Кедрова (Леонид Тамм, Михаил Келдыш, Михаил Лукин, Игорь Кедров). Младший брат И. Е. Тамма инженер-химик Леонид Тамм и старший брат Мстислава Келдыша аспирант истфака МГУ Михаил Келдыш попали в список «троцкистов», представленный Я. С. Аграновым (Ленинград) 15 мая 1937 г., и погибли соответственно 28 и 29 мая. Игорь Кедров вместе с В. П. Голубевым, оба — сотрудники 3-го отдела ГУГБ НКВД, шли по одному списку на 345 человек от 16 января 1940 г. вместе с Ежовым, Фриновским, Цесарским, Шапиро и другими сотрудниками НКВД. Список направлял Берия, подписал «За» один Сталин.

Незадолго до ареста 20 февраля 1939 г. И. Кедров и В. П. Голубев обратились с письмом против Берии в ЦК и КПК, указав на наличие компрометирующих документов периода гражданской войны у М. С. Кедрова (отца И. М. и Б. М. Кедровых). И. Кедров и В. Голубев были расстреляны 25 января по обвинению в «дискредитации политики ВКП(б)». М. С. Кедров также был арестован в 1939 г., по суду оправдан, но из тюрьмы не выпущен. Затем попал в список от 21 июня 1941 г. и в декабре погиб. Письмо И. Кедрова и В. Голубева было обнаружено в 1954 г. в личном архиве Берии и фигурировало при их реабилитации, но в настоящий момент оно затерялось в государственных архивах.

16 января 1940 г. были расстреляны брат и сестра академика Н. М. Лукина — военврач М. М. Лукин и Н. М. Бухарина-Лукина (первая жена Н. И. Бухарина), а также писатель И. Бабель, режиссер Вс. Мейерхольд, журналист М. Кольцов.

Из восьми сотрудников НКВД, представлявших списки, шесть сами были расстреляны в 1938—1940 гг., а двое покончили с собой.

В этих 383 списках отсутствуют репрессированные академики Н. М. Лукин,

Г. А. Надсон, И. К. Луппол, Н. И. Вавилов, профессора Л. И. Говоров, Г. Д. Карпеченко и мн. др. Некоторые из них, вероятно, присутствовали в списках 1939–1941 гг., которые пока не найдены. При обработке расстрельных актов «Мемориалом» установлено, что директор Института микробиологии АН СССР академик Г. А. Надсон был арестован 29 октября 1937 г. и расстрелян по решению ВКВС СССР 15 апреля 1939 г. на «Коммунарке»; заведомо бобовых культур ВИРА Л. И. Говоров и заведомо генетики ВИРА, завкафедрой генетики ЛГУ Г. Д. Карпеченко были арестованы 15 февраля 1941 г. и расстреляны по решению ВКВС СССР соответственно 27 и 28 июля 1941 г. также на «Коммунарке».

В списке 2-й категории «Троцкисты» от 6 мая 1937 г., представленном Аграновым, присутствует Поляк Лев Соломонович. Подписи: «За». Сталин, Молотов, Ворошилов, Косиор, Каганович. Возможно, это недавно ушедший от нас известный историк науки Л. С. Полак. В документах репрессивных органов Полак проходил именно как Поляк, что подтверждается бумагами из личного архива Л. С. Полака.

Диск является пока предварительным вариантом и имеет небольшие технические неточности, которые, как можно надеяться, будут в дальнейшем исправлены. Кроме того, следует выяснить судьбы всех, кто попал в эти сталинские списки. Пока «Мемориалу» удалось установить судьбы только 8 тысяч репрессированных, и эта информация на диске приведена. Также нужно найти и включить в диск списки 1936-го и 1939–1941 гг. (о них известно из сохранившихся сопроводительных документов). Хорошо бы дополнить диск документами сталинских процессов 1936–1938 гг. и всеми документами Военной коллегии Верховного суда.

Очевидно, для выяснения судеб репрессированных, в том числе ученых, необходимо полное рассекречивание документов ВКВС СССР, хранящихся ныне в архиве ФСБ.

К. А. Томилиш